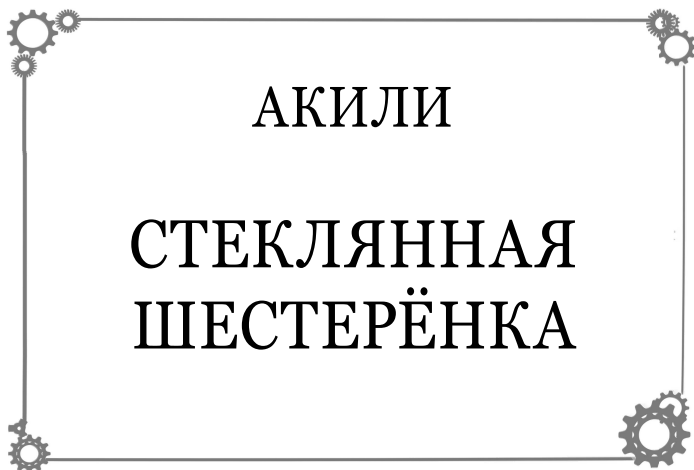

АКИЛИ

СТЕКЛЯННАЯ
ШЕСТЕРЁНКА

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
А39

Акили

А39 Стекло́нная шесте́рёнка / Акили. — М. : Т8 Издательские технологии / Импринт VOLKODAV / RUGRAM, 2025. — 440 с.

ISBN 978-5-517-12967-3

Город Гласстон — колыбель паровых технологий. Все достижения прогресса начались отсюда, и город чувствует великого изобретателя, который положил начало паровой эпохе во всей стране, — Грегора Вильямсона. И пока «отец прогресса» купается в лучах славы и готовится отмечать свой день, в городе проявляют себя разные личности. Одни не прочь сместить с пьедестала «отца прогресса». Другие хотят сблизиться с великим изобретателем и преследуют свои мотивы. Сцена готова, часы вот-вот заиграют мелодию, и все готовы к празднику, как в Гласстон неожиданно прибывает таинственный джентльмен. Станет ли он лишней шестерней в отлаженном механизме города? Чью сторону примет, когда события в городе разгонятся как паромобиль? И сколько секретов выйдет наружу?

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-12967-3

© Акили, 2025
© Андреева Юлия, дизайн, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

ГЛАВА 1

ЧЕЛОВЕК

С РАЗНЫМИ ГЛАЗАМИ

Над городом раздался громкий протяжный гудок и замолчал. Пара мгновений тишины, и со всех концов улицы раздалось шепуршение, шарканье, смачные сплёвывания и бормотание. Из ворот фабрик, как сквозь прорванную плотину, хлынула толпа рабочих и растеклась ручейками по ближайшим улочкам. Их силуэты быстро таяли в свинцово-серой темноте вечера.

Некоторые останавливались выкурить самокрутки. Огоньки вспыхивали, на миг освещая лица курильщиков, и гасли. Латунные зажигалки, свистнутые, вероятно, прямо с производства, передавались по рукам.

Долгий рабочий день кончился. Впереди короткий вечер дома и снова утренняя смена.

Джеймс шагал по тёмным улицам Гласстона, оттягивая подтяжки и притопывая в такт окружающим шорохам. Все его сослуживцы отправились по

обыкновению по другой дороге, но у Джеймса сегодня иные планы. Когда он сказал, что идёт домой, товарищи сильно удивились. Все знали, насколько сварливая у Джеймса жена. Её даже домовладелец побаивался, отчего можно было иногда и задерживать арендную плату.

Сам Джеймс, чтобы лишний раз не встречаться с женой, изобрёл для себя ритуал — каждый день допоздна выпивать с кем-нибудь из рабочих, тратя заработанные гроши на алкоголь и ставки в картах.

Но сегодня он предвкушал нечто большее, потому как направлялся не в обычную забегаловку, а в знаменитый паб «До капли», куда нищие работяги вроде него могли сходить разве что в день поллучки.

Джеймс оставил темноту улочек и вышел на широкий проспект. Вместо дымного и копчёного запаха фабричного района потянуло илом с реки. В привыкшие к серости и черноте глаза ударил яркий свет газовых фонарей. Кованные столбы гордо стояли вдоль всего проспекта, как молчаливые часовые, лоснясь на мокрой от недавнего дождя мостовой и отражаясь в стёклах зданий.

Шесть Центральных улиц проходили через Глэстон, подобно трём парам рельс, а третью и четвёртую соединяли два каменных моста через реку. Поздно вечером дороги были почти пусты, но в разгар дня по этим «рельсам» бесконечно пыхтели паромобили. Реже здесь встречались конные экипажи и кэбы — их предпочитали разве что старомодные аристократы.

Поворот — и Джеймс уже на 3-й улице. Заветный паб стоял в самом её конце, по великой удаче втиснутый среди фешенебельных гостиниц, ресторанов и дорогуших магазинов — деревянное строение с вытянутой крышей среди каменных и кирпичных гигантов.

Паб «До капли» был глотком свежего воздуха для простых работяг вроде Джеймса. Его вывеску с кружкой и падающей каплей знали все обитатели фабрик, ночлежек и доходных домов «выцветших обоев». Там часто играла музыка, а порой и какой-нибудь яркий активист взбирался на стул и во всю глотку орал о правах угнетённых рабочих. Остальные вторили ему «ура!», запрокидывали кружки, и на том дело заканчивалось.

Когда Джеймс открыл дверь, и набитый посетителями зал дохнул на него шумом и жаром, он почувствовал себя дома. Кто бы мог подумать, что сегодня его пригласит выпить незнакомец. О работе на фабрике хочет поговорить. За информацию незнакомец обещал угостить.

«Ха! Да пусть хоть про нижнее бельё моей жены спрашивает за такой-то подарок!» — радовался Джеймс всю дорогу.

Он вошёл уверенной походкой, словно был здесь завсегдаем, и оглядел переполненный зал. За ближайшим столом матросы в тельняшках пытались друг друга перепить и громко рыгали после каждой кружки. Пьяные в хлам грузчики в фуфайках договаривали заплетающимися языками последние слухи. Степенный мужчина, который мог

быть клерком в какой-нибудь конторишке, маленькими глотками попивал своё пиво в одиночестве.

Отовсюду веяло крепкой выпивкой, и одним своим запахом она вмиг бодрила и заставляла испытывать лёгкое головокружение. И хотя паровое отопление в «Капле» работало через раз, жар этого места всё равно крепко согревал в холодные осенние вечера.

Но где же незнакомец? Джеймс успел испугаться, что его надули и бесплатной выпивки сегодня не случится, как за столиком у стены ему махнули.

Джеймс взгляделся и убедился, что это тот самый человек, который поймал его сегодня перед утренней сменой. Тот же твидовый пиджак с заплатками на локтях, штаны в тёмную клетку. На шее завязанный узлом платок, выполнявший роль то ли галстука, то ли тряпки, которой протирали окна машин. Тёмные сальные волосы и короткая вздёрнутая чёлка. На испачканном в копоты лице выделялись очки-гоглы.

«Водила», — подумал про себя Джеймс. Такие очки всегда надевают водители открытых паромобилей для защиты глаз от дыма, но эти машины уже лет десять не выпускают. В новых место водителя закрыто той же кабиной со стеклом, что и пассажирские. Но, видимо, этот мужчина водил именно старый паромобиль.

Джеймс мысленно похвалил себя за точное наблюдение. Не зря его на фабрике кличут Сыщиком, ведь Джеймс всегда знает, где искать непонятно

куда пропавшие инструменты. По большей части он знал это потому, что сам забывал их там.

Он сел за столик, протянул незнакомцу руку и крепко пожал. Из ниоткуда тут же вынырнула официантка. Её здесь кликали Мэгги.

— Что джентльмены будут заказывать?

Она всегда называла посетителей джентльменами. Местному сброду это льстило и вкупе с натренированной улыбкой давало официантке шанс на щедрые чаевые.

— Пива! Тёмного «Рошедского»! — тут же воскликнул Джеймс.

— Джин с тоником, — негромко отозвался незнакомец.

Джеймс тут скривился:

— Ты что, баба — пить это? Давай чего покрепче, неразбавленного! А то тебя так ни один мужик на производстве уважать не станет!

— А ты что, всем растрезвонишь, что я пью?

Джеймс хотел ответить, но в этот момент вспомнил, за чей счёт банкет. А кто платит, тот и заказывает музыку.

— Да не, не бойсь. Нем как рыба. Хочешь пить эту дрянь, так пей!

— Вот спасибо, — криво усмехнулся незнакомец.

— Тебя звать-то как?

— Винс.

— Я Джеймс. Ещё Сыщиком кличут. Твоё здоровье.

Они оба запрокинули свои кружки и слизнули с губ желанный напиток.

— Почему Сыщиком? — спросил Винс.

— Потому что я самый умный, — уверенно отозвался Джеймс. — Так что обратился ты к нужному человеку. Говоришь, на фабрику хочешь?

— Работа там есть?

— Работу там всегда найдут! А вот ищут ли новых работяг — не знаю. Но... — Джеймс назидательно поднял указательный палец, набивая себе и своему «банкету» цену, — в День прогресса готовятся открыть новый цех, так что, может, чего и сыщешь.

— Что за цех? — заинтересованно спросил Винс.

— Без понятия, друг. Туда пускали только инженеров. Но наверняка что-то грандиозное. Вильямсон на мелочовку не разменивается. — Джеймс широко развёл руками, словно воочию демонстрировал размер замысла нового цеха, чуть пиво не выплеснул.

— Вильямсон — владелец фабрики?

— Не просто владелец! Один из «торговых принцев». Отец прогресса! Ты что, с луны свалился? Все механические штуки, какие ты видел в городе, он придумал! Паровой двигатель — тоже его! Всё по его чертежам делается. Некоторым уже с пару десятков лет, а до сих пор никто лучше не сделал.

— Прям такой гений?

— Ну... так говорят, — пожал плечами Джеймс. — Смотри. — Джеймс достал из заднего кармана штанов перфокарту с множеством дырочек. — Ума не приложу как, но на этой картонке написано моё имя. Все работяги, как приходят на смену, вставляют такие в машину. И машина считает, сколько ча-

сов ты отработал, пока карточку не заберёшь. И никак эту дрянную штуковину не обойти.

— Так не проще посадить человека, чтоб записывал, кто чего и когда? — удивился Винс.

— А вот Вильямсону не проще. Человеку-то платить надо, да и разве работяга не договорится с добрым человеком, чтоб пораньше слинять? С машиной так не потолкуешь. Так что этот Вильямсон — страшный скупердяй. Как разбогател на своих механизмах, так за лишнюю пенни удавится! Всех к ногтю прижал!

— Так работать у него не стоит? — уточнил Винс.

Джеймс задумался. Если он сейчас скажет «нет», то его новый друг уйдёт и вечер угощений закончится. А значит, надо было продолжить тему, пока Мэгги несёт ещё пива.

— Может, и стоит. — Джеймс придвинулся к своему собеседнику поближе, словно хотел сообщить страшную тайну. — У нас на производстве призрак завёлся, и многие парни подумывают на другую фабрику переводиться. Поговаривают, что оплату поднимут. Чтоб производство совсем не опустело.

— Грохнули, что ли, кого на этом вашем производстве?

— Да не-е-е, — махнул рукой Джеймс. — У нас бывает, на кого-нибудь чего свалится... или в шестерёнках перемелет руку — случается. А тут сам главный инженер взял да по пьяни и свалился с верхних подмостков. Говорят, лицом вниз грохнулся и до того обезобразился, что в закрытом гро-

бу хоронили. А ведь везунчиком считался. Вот и не упокоится никак от досады.

Джеймс окликнул официантку и заказал не что-нибудь, а виски. Он с осторожностью глянул на Винса, не запротестует ли тот, но его новый друг и бровью не повёл... Так можно было бы сказать, если бы его брови не скрывались за большими очками.

— Почему он везунчик? — спросил Винс.

— Так женился на дочке самого Вильямсона! Недолгим оказался брак. Фортуна переменчива! Твоё здоровье, брат!

Джеймс с удовольствием опустошил стакан, смакуя на губах последние капли. Наверное, окажись его собеседник бандитом, Джеймс за такое угощение всё равно считал бы его лучшим другом и самым замечательным человеком на свете.

В это время официантка оставила поднос и села за старенькое пианино. Музыкальные выступления приносили в этот паб атмосферу солидности, и местная публика чувствовала себя причастными к высокой культуре дорогих салонов и мужских клубов. Пианино страшно фальшивило. Очевидно, его никто не настраивал уже много лет. Но Мэгги вполне приноровилась извлекать из скрипучих клавиш осмысленные мелодии, да и местная публика не то чтобы разбиралась в музыке.

Голос у Мэгги тоже оказался скрипучий, как несмазанные петли, под стать пианино, но к нему быстро привыкали, и посетители всегда хлопали ей в благодарность за развлечение.